

На грани развода

Автор:

Маша Трауб

На грани развода

Маша Трауб

Любая семья рано или поздно оказывается на грани. Кажется, очень просто перейти незримую черту и обрести свободу от брачных уз. Или сложно и даже невозможно? Говорить ли ребенку правду? Куда бежать от собственных мыслей и чувств? И кому можно излить душу? И, наконец, что должно произойти, чтобы нашлись ответы на все вопросы?

Маша Трауб

На грани развода

© Трауб М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

День первый

Марина буквально вывалилась из микроавтобуса, нащупала в сумке пачку сигарет, прикурила и с наслаждением затянулась. Два часа поездки по серпантину она выдержала с трудом. Хорошо, хоть Анюта проспала всю дорогу.

– Мам, мы приехали? Мы здесь будем жить? – Семилетняя Аня оглядывалась по сторонам. Общий двор, большой стол, стулья, скамейки, детская мебель, качели, пластмассовая горка.

– Кажется, да, – ответила Марина.

Отель оказался не «небольшим», как указывалось на сайте, а совсем крошечным. Три номера на первом этаже с выходом во двор. Несколько на втором. Семей на шесть, не больше.

– Приветтики-рулетики! – подбежала к Марине молодая женщина. – Меня Женя зовут. А тебя?

– Добрый день. Марина, очень приятно. И, если можно, на «вы». – Марина не собиралась быть невежливой, но панибратство ее раздражало.

– Ой, а у нас тут все на «ты» и все дети общие! Если что, присмотрим за твоей... за вашей... как зовут дочку?

– Дочь зовут Анной. Спасибо, не надо. Я сама за ней присмотрю. – Марина демонстративно отвернулась. Только назойливой подружки ей в первый день не хватало.

– Мы решили, что здесь, то есть на общей территории, во дворе то есть, мы не курим, – продолжала Женя как ни в чем не бывало. – Ну чтобы дети не видели. Понимаете?

Марина повернулась и посмотрела на Женю. Есть такие женщины – вечные веселушки-хохотушки. Непробиваемые и неунывающие. На щеках – ямочки. И круглые глаза с сохранившимся в них непонятно как и почему детским восторгом. Женя не была толстой, как того требовал образ, но лишь в силу молодости – на вид ей было около тридцати. Лет через пять, подумала Марина, она нарастит нужную массу и окончательно оформится в толстушку. Сейчас же она представляла собой сдобную булочку, свеженькую, только из печки, еще упругую и аппетитную. Марина, которая в прошлом году отметила сорокалетие, позавидовала молодости и упругости. Лицо, правда, у Жени было странное – мимически активное. Женя интенсивно морщила лоб, строила гримасы, поджимала и надувала губы, и все это происходило вне зависимости от текста,

который она произносила. Говорила Женя тоже забавно, растягивая звуки, тщательно артикулируя, будто рассказывая сказку детям. Марине ее голос напомнил аудиокнигу, которую она слушала в машине, но так и не добралась до конца записи – голос актрисы очень раздражал. Вот и у Жени был такой же голос.

– Вообще-то у нас никто не курит, – сказала эта странная женщина, и ее брови поползли вверх, а уголки губ – вниз. Женя успела еще и причмокнуть и показать, как курит, и замахать руками. Звучало это еще более странно, будто Женя разговаривает с маленьким ребенком, с которым нужно сюсюкаться и все звуки произносить членораздельно.

– Вы логопед?

– Нет, – ответила Женя и показала, как она удивлена.

Марина смотрела заворожено на весь этот калейдоскоп, состоящий из мимики и жестов. Настроение у нее испортилось окончательно. Перелет был тяжелый – она не любила летать. Не то чтобы панически боялась, не до аэрофобии, но всегда оглядывала очередь пассажиров, выстроившихся на посадку. Если в очереди видела маленьких детей, ей становилось легче. Почему-то она была уверена, что самолет, в котором есть маленькие дети... в общем, должно быть все хорошо. Нет, она не была верующей и даже в тяжелые моменты не обращалась к Богу, но в самолете многие перестают быть атеистами. Да, Марина считала, что какая-то высшая сила должна убереечь маленьких детей от катастрофы.

А тут еще она полетела с насморком, и при посадке у нее так болели уши, что она не удержалась и заплакала. Аня переживала и гладила ее по руке. Потом тоже расплакалась от страха, обычного детского страха. Они ведь всегда ездили семьей, с папой или с бабушкой, и в первый раз поехали отдыхать без них. Так решила Марина. Мужа она поставила перед фактом. Отель нашла в последнюю минуту, за билеты, купленные чуть ли не накануне вылета, переплатила. Марина даже себе не могла ответить на вопрос, с чего вдруг ее понесло в не самое популярное у туристов место. Да еще этот отель... На сайте значилось, что он семейный, и Марина решила, что да, ей нужен именно семейный отель, плохо понимая, что это значит. Но подумала, что там точно должны быть дети и Ане будет не скучно.

– У вас с Гришей что-то случилось? – осторожно спросила Маринина мама, когда она сообщила ей, что они с Аней улетают на море, и на дачу, как собирались, не приедут.

– Нет, все хорошо. Просто хочется уехать. Побывать с Аней. Нам вдвоем. Не знаю, как объяснить. Я же ее практически не вижу. Школа, продленка, секция. Мне на общение с ней остается или раннее утро, когда я еще говорить не могу, или поздний вечер, когда уже не могу. Выходные с ней Гриша проводит. Им хорошо вместе, а я вечно все порчу. То попкорн в кино запрещаю Ане есть, то гулять в парке подолгу не хочу. Им вдвоем веселее, без меня. Мне кажется, я ее упускаю. Прости, что не приедем к тебе. Я устала, если честно.

– Ты имеешь на это право, – сказала мама.

Марина так и не поняла, на что имеет право – на то, чтобы уехать с дочерью, на запрет попкорна, на усталость или на то, чтобы не ехать на дачу.

– Просто тебе нужно поменять обои перед глазами. Так бывает, – продолжала мама, – ни с того ни с сего. Так кажется. Просто копится долго и вдруг прорывает. Я тебя прекрасно понимаю.

– Вряд ли...

– Знаешь, после чего я рассталась с твоим отцом?

Марина редко разговаривала с матерью вот так, по душам. Обычно их беседы сводились к очевидному, давно отработанному сценарию: как себя чувствуешь? Деньги есть? Лекарства привезти? Нет? Прости, приехать не смогу. Дела. Нужно еще Аню к зубному отвезти. И... много дел в принципе. Нет, на дачу точно не получится. Что там делать? Друзей у Ани там все равно нет. Ей станет скучно уже на следующий день. Нет, мы не будем сидеть в Москве.

– Ты рассталась с папой после того, как он нашел себе любовницу, – ответила Марина. Каждый год мама ждала их с Аней на даче. Каждый год Марина придумывала миллион причин, чтобы не ехать. Когда она была маленькой, то очень любила это место. И озеро, и лес. И ходить с отцом за грибами и ягодами. С тех пор как родители развелись, Марина не могла себя заставить ездить на дачу, которую папа разделил «по-честному» – маме оставил большой дом, а себе

гостевой. На участке вырос забор в том месте, где его не должно было быть в принципе. Маму не смущало присутствие посторонних людей за забором – сначала бывшего мужа с любовницей, ставшей женой, потом родственников этой жены. А Марину смущало, и даже очень. Поэтому она и не ездила. И Аню не отпускала, чтобы избежать объяснений. Хотя мама каждый год уверяла, что отец будет только рад повидать внучку. Но Марина знала – мама с ним не общается много лет, и с чего вдруг отец будет рад видеть внучку, которую видел один раз в жизни? Марина просто приняла тот факт, что ее родители живут через забор друг от друга, видят друг друга в щели и ни здрасьте, ни до свидания. Сколько так продолжается? Последние лет двадцать точно.

Аня про дедушку ничего не знала. Отец Марины видел внучку на выписке в роддоме, куда привез букет лилий, которые Марина ненавидела и тут же, при отце, выбросила в мусорный контейнер. Он пытался сунуть ей конверт, явно с деньгами, но она отвернулась и не взяла. Видела, что конверт взяла мама. Потом привезла в подарок коляску, купленную на эти деньги. Марина передарила коляску многодетной семье, жившей этажом ниже. Она так и не смогла простить отца, единственного в жизни мужчину, которого любила и который так подвел, разрушив сразу три жизни – жены, дочери и внучки. В одно мгновение он перестал быть мужем, отцом и дедом, просто потому что захотел сыграть эти роли «набело», с другой женщиной.

Мама прекрасно знала, что Марина не приедет на дачу и не привезет Аню. Но каждый сезон упорно готовилась к их приезду – сажала цветы, отмывала дом, вешала новые занавески, присылала фотографии цветущего куста жасмина, посаженного годом раньше в рамках подготовки к приезду.

– Мам, я не могу! – уже открытым текстом кричала Марина. – Не могу туда ехать! Физически!

– Ну, может, на следующие выходные? Там сейчас тихо, никого нет. – Мама ее не слышала.

«Там» – это на другой половине участка. Марина вообще не понимала, почему мама согласилась на такой размен, с ее точки зрения, чудовищный, пошлый и аморальный. Она вообще не понимала, как мама может с этим жить. Она бы не смогла точно.

– Это да, но не любовница стала основной причиной, – неожиданно заметила мама.

– А что тогда? – Марине даже стало интересно. Мама, как ей казалось, отнеслась к разводу, мягко говоря, категорично, решив для себя, что теперь уже бывший муж, отец ее единственной дочери – умер. Она и вела себя как профессиональная вдова. Отца вспоминала всегда с теплотой и строго в прошедшем времени. Дурного слова про него не сказала. Разве что «пусть земля ему будет пухом» не добавляла. И мужчина за забором был ей абсолютно чужим человеком. Посторонним. И она искренне не понимала, почему ее уже взрослая дочь так страдает. Разве можно столько времени страдать и из-за этого не приезжать на дачу?

– Сосиски, – сказала мама, – сосиски стали последней каплей. Я очень любила сосиски. Даже те, которые на вокзалах продавались. С горчицей. Я купила сосиски на ужин. Твой отец поставил их вариться. Съел четыре штуки, а мне оставил две. Да и те – в воде. Они остыли и размокли. Я стояла над кастрюлей и не понимала, как он мог со мной так поступить. Мало того, что оставил мне всего две сосиски, да еще и в воде. Понимаешь?

– Да, мам, – ответила Марина, хотя не понимала, как могут сосиски привести к разводу. – Я тебе напишу, как мы доберемся до гостиницы.

– Отдохни там, развейся, – пожелала мама, но очень, как бы это сказать, по-светски, неискренне.

Марина задумалась. Если посмотреть с другой стороны, у ее матери были сосиски, после которых понимаешь, что все, это конец, а у нее футболка с пайетками. Пришла такая мода – в магазинах стало невозможно найти футболку для девочки, которая не была бы вышита дешевыми пайетками. Если провести рукой по вышивке, пайетки меняли цвет и рисунок. Маринина мама подарила внучке такую пайеточную подушку – проводишь рукой, и подушка в форме сердца меняет цвет. Можно написать что-нибудь или нарисовать. Аня сидела и вместо уроков могла рисовать на этой подушке цветочки и выписывать буквы. Марина взяла подушку и тоже не могла оторваться – проводила рукой по пайеткам и наблюдала, как под светом настольной лампы на потолке появляются рисунки.

Потом она купила Ане футболку с пайетками и еще одну майку – с длинными рукавами. На этом решила остановиться. Аня от блесков просто впадала в ступор. Да еще и все подружки, которых она встречала на улице, проводили пальцем по ее груди, разглядывая, какой получится рисунок. Марина не хотела, чтобы ее дочь трогали все встречные и поперечные.

Аня с отцом пошла в кино – традиционный воскресный день – и вернулась совершенно счастливая. Гриша купил дочери блокнот с обложкой из пайеток, пенал, две футболки и толстовку. И все – в пайетках. Особенно Марину потряс выбор футболки – сверху кошачья морда, а внизу – русалочий хвост, который менял цвет с синего на зеленый. Марина заплакала. Сочетание кошачьей морды с рыбьим хвостом ее убило. И да, именно эта футболка стала последней каплей, после которой Марина нашла семейный отель и заказала билеты. Гриша спрашивал, почему она вдруг решила сорваться, но Марина не могла объяснить мужу, что все из-за футболки и этих пайеток, которые она находила везде – в ванной, в стиральной машине, в кровати. Как не могла объяснить, почему ей плохо.

Последний месяц она выживала, держалась «на зубах» – ее тошнило, кружилась голова, не было никаких сил. Утром она с трудом отводила Аню в школу. Раньше ей нравилось выходить рано утром и не спеша возвращаться домой. Она обходила школу, спускалась к реке, быстрым шагом шла по набережной и поднималась по крутой лестнице уже другим человеком. Ей нужны были эти личные утренние сорок минут – отдышаться, привести себя в форму. Но даже такую маленькую радость, удовольствие – дышать, когда воздух еще относительно чист, ловить ощущение, что хочется жить, Марина больше не испытывала. С трудом заставляла себя разлепить глаза, заплести Ане косы, накинуть на себя старую куртку и доползти до школы, а потом бегом назад, домой, успеть выпить кофе.

Она взяла на работе отпуск, впервые за последние три года. Смотрела утренние новости, повторы сериалов и понимала, что ей так плохо, как не было никогда. Она будто все время находилась внутри стиральной машины и ее выполаскивало, выжимало, замачивало в режиме тысячи оборотов. Марина сходила к врачу, который посоветовал отдых и прописал витамины. Ее продолжало крутить. Она вдруг поняла, что не хочет так жить дальше – с Гришей. Вставать каждое утро по будильнику, возвращаться вечером в семью, ехать на работу, спрашивать, что Аня ела в школьной столовой и сделала ли уроки на продленке. Врач допытывался, что именно вызывает тошноту – запахи,

еда? Марина не смогла признаться – тошноту вызывает сама жизнь. И Гриша. И пайетки. А еще – семейный отдых, спланированные выходные на два месяца вперед, расписанная по графику жизнь.

Врач посоветовал поехать на море, и Марина ухватилась за эту идею. Да, она уедет. С Аней. Без мамы, которая обидится. Без Гриши, который сначала промолчит, но потом будет выпрашивать у нее, почему она поступила так, а не эдак, и все это превратится в нескончаемый допрос с пристрастием. Разве что лампой Гриша не будет светить ей в лицо и мучить вопросами, догадками, версиями. Он будет обижаться, молчать, обвинять, искать виноватых, прощать, чтобы через минуту снова зайти на тот же круг. И так каждый день. Гриша... неужели она его когда-то любила? Обычно мужчины признаются, что с облегчением уходят утром на работу и не спешат вернуться домой вечером, потому что дома пилит жена, надо зайти по дороге в магазин и вообще есть целая куча прочих дел. Марина винила себя в том, что она неправильная жена и мать. Ей тоже не хотелось возвращаться домой, где, как это ни смешно, ее никто не ждал. Даже Аня, которая умела себя занять. А если Марина звонила дочери и сообщала, что немного задержится, потому что зайдет в магазин, дочь просила купить шоколадное яйцо или мармелад в форме мишек. В этом случае она ждала маму. Гриша по вечерам садился работать, как он говорил, «во вторую смену». У них давно сложились разные графики жизни. Марина рано засыпала и рано вставала. Гриша мог проспать до одиннадцати и работать до двух ночи. Марина опять погружалась в стиральную машину. Ее рвало, тошнило, кружилась голова, пульс зашкаливал, давление было ниже всякой нормы. Врач сказал, что у нее депрессия, и это лечится. И надо бросить курить конечно же. Здоровое питание, умеренные физические нагрузки, не нервничать.

* * *

Серпантин. Марину тошнило, уши закладывало, голова болела уже нестерпимо. Марина любила водить машину, рано села за руль. Но серпантины ей давались с трудом, несмотря на солидный водительский стаж. Это тоже было связано с Гришей. И мамой. Аня тогда была маленькой, только исполнилось два года. Они поехали отдыхать всей семьей, на море. Марина взяла маму, чтобы помогала с Аней. Они поехали в местный зоопарк, чтобы показать девочке зверей. Марина была за рулем, Гриша сидел рядом. На заднем сиденье – мама с Анечкой. Машина заглохла на серпантине. Марина покрылась липким потом. Ей стало страшно, как в тот день, когда она в первый раз не сдала на права, застряв на эстакаде. Ровно в том же положении – при въезде на гору. Марина слышала, что

ей сигналият сзади, но не могла завести машину – руки тряслись. Анечка расплакалась, а Гриша начал смеяться:

– Если Елена Ивановна выйдет из машины, мы быстро поднимемся в гору.

Да, Маринина мама тогда была грузной. Даже очень. Мама пила таблетки, сидела на диете, но никак не могла справиться с гормонами и щитовидной железой, которая требовала наблюдения врачей.

Мама не слышала, что сказал зять. Или слышала, но сделала вид, что не слышит. У них с Гришей и без того были прохладно-вежливые отношения. А Марина на Гришу обиделась. Каким-то чудом ей удалось завести машину и вырулить. Она тогда не курила – бросила, когда узнала, что беременна Аней, и спокойно держалась после родов. Даже позывов взять сигарету не возникало. Но когда они доехали до зоопарка, Марина вывалилась из-за руля, нашла ближайшую курилку и попросила сигарету с зажигалкой у таксиста. Она выкурила крепкую сигарету, закашлялась, поперхнулась дымом, чуть не грохнулась в обморок, но успокоилась. С тех пор она курила и не собиралась бросать.

В зоопарке, где можно было кормить зверей, Аня испугалась уже на входе, у клетки с кроликами. Марина тоже терпеть не могла всяких зайцев, хомяков, шиншилл, а у дочки неприятие животных и страх перед ними только закрепились. От собак Аня в испуге шарахалась, к кошкам испытывала легкую неприязнь. Даже повзрослев, Аня не стала спокойнее. Могла расплакаться от собачьего лая, отказывалась ездить в лифте в компании даже с самой маленькой собачонкой, которая сидела на руках у хозяйки. Девочка не гладила кошек, не кормила голубей хлебом и не восторгалась уточками на пруду в парке. Пони, лошади? Нет, дочь никогда не просилась покататься, хотя все дети выстраивались в очередь, чтобы сделать круг на старом пони Геракле, который был таким же неизменным атрибутом их парка, как главная кормушка для белок.

Марина даже подумывала завести какое-нибудь домашнее животное, чтобы Аня научилась справляться с эмоциями и перестала застывать на месте, едва завидев вдалеке собаку. Хотя, когда Аня отказывалась заходить в лифт с псом, вернувшимся после вечерней или утренней прогулки, да еще во время дождя, Марина прекрасно понимала дочь. Собаки воняли нестерпимо. Марина, чувствительная к запахам, ощущала, как подступала тошнота – именно на запах мокрой псины особенно остро реагировал желудок. Да еще Гриша купил себе

парфюм, дорогой и модный. Но для Ани это был песий запах. Она сказала мужу, что его новый аромат не очень ей нравится, а Гриша обиделся и долго допытывался – почему не нравится? Может, у нее есть ассоциации?

– Ты сейчас намекаешь на прошлое? – устало повторяла Марина. – Нет, просто мне не нравится запах.

Гриша не верил: всем нравится, а ей нет?

Тогда, после зоопарка, остаток отпуска прошел сложно. Аня обгорела, капризничала, отказывалась есть и спать. Мама тоже обгорела и страдала, решив демонстративно сесть на диету. Гриша уходил плавать два раза в день. Подолгу. Ходил загорелый, довольный и бодрый. Марина металась между дочкой и мамой, и, наверное, тогда произошел первый надлом. Ей перестал нравиться Гриша. Нет, ничего явного, он оставался заботливым отцом и мужем – бегал в аптеку, за продуктами, играл с Аней, справлялся о здоровье тещи. Но то неосторожное замечание в адрес матери Марина не могла выбросить из головы. Так бывает – засело и не выбьешь. Да даже не в этом дело. У Марины именно тогда открылись глаза: они с Гришей жили на параллельных прямых, не пересекаясь.

Гриша считал, что Аню нужно заставлять заходить в море, Марина была убеждена – лучше подождать, не давить, не доводить до слез и еще одного страха. Марина считала, что можно обойтись без обеда, зато приготовить вкусный ужин, Гриша же предпочитал плотно обедать и не ужинать. И таких мелочей набиралось много, по чуть-чуть, по капле, как из протекающего крана. Звать сантехника вроде бы рано, можно поплотнее, с усилием, закрутить кран и вроде бы временно не будет капать. А потом поменять прокладку, сэкономив на смене сифона. Еще на пару месяцев хватит, а там видно будет. Вот и Марина стала проживать свою семейную жизнь по такому же принципу – меняя прокладки, закручивая, завинчивая, оставляя тряпку, чтобы влага впиталась. И только в последний год она поняла, что ее жизнь, ее брак уже никак не заклеить и косметический ремонт не спасет – проще все снести и построить заново. Она вглядывалась в лицо Гриши и удивлялась – его все устраивало, он ничего не чувствовал, не видел, что она раздражена, расстроена, не находит себе места. Да, он знал, что жена плохо себя чувствует, но списывал все на атмосферное давление, обещанные Гидрометцентром перепады температур и обычную усталость. Даже скоропалительный отъезд, можно сказать, бегство, Гриша воспринял спокойно. Не удивился.

Сейчас, стоя во дворе семейного отеля, Марина отчетливо вспомнила тот отпуск. Стоило уйти еще тогда, когда было не так страшно, когда маленькая Анюта многого не понимала. С каждым годом ломать жизнь становится все страшнее и больнее – Марина это точно знала на собственном примере. Ее стало мутить от сигареты. Одно ухо так и оставалось заложенным. Она хотела снять с себя футболку, пропитавшуюся потом, джинсы, прилипшие к ногам, смыть под горячим душем часы перелета и надеялась, что хоть номер окажется приличным и ей не придется скандалить и переселяться.

– Я курю и буду курить там, где хочу и когда хочу, – отчеканила она. – Единственное, что я вам могу пообещать, – не выпускать дым в лицо младенцам. Все? Больше никаких правил?

– Нет... – смутилась Женя, но лишь на долю секунды, после чего продолжала щебетать: – У нас сегодня вечер знакомств. Собираемся здесь, во дворе. Пока взрослые будут разговаривать, дети поедят мороженое. Мы уже купили коробку на всех.

– Mam, я хочу мороженое, – подала голос Аня, которая стояла рядом и не без интереса слушала разговор взрослых. Марина собиралась напомнить дочери о правилах приличия, но сдержалась.

– Пойдем сначала поднимемся в номер и разберем чемоданы. Там видно будет, – сказала она дочери. Последняя фраза относилась к Жене, но та уже переключилась на Аню.

– Приветтики-рулетики! Какое у тебя красивое платье! Приходи и маму приводи вечером. В семь. Ты какое мороженое любишь? У нас есть шоколадное, ванильное, фисташковое и клубничное! Тебе сколько лет? В школу в этом году идешь или уже во второй класс перешла? А мы тут аппликации делаем. И играем в горячую картошку. Ты любишь играть в картошку? Или в вышибалы?

Аня, не привыкшая к такому потоку вопросов, опешила и молчала. К тому же она впервые видела женщину, которая умудрялась изображать сразу все действия жестами и мимикой. Женя показала, как ест мороженое, как бросает невидимый мяч, как приседает, ловит, уворачивается. На лице отобразилась вся гамма эмоций – удивление, радость, восторг.

– Пойдем. – Марина позвала дочь, демонстративно затушив окурок в стоявшую под деревом глиняную миску, расписанную детскими каракулями-узорами.

– Ой, это же наши поделки! Дети разрисовали! – ахнула Женя, но тут же переключилась: – Да, кстати, будете покупать йогурты, упаковку не выбрасывайте, мы из них человечков делаем. Вам, кстати, повезло! Достался номер для молодоженов! Там огромный балкон с видом на море и горы. Мы все сегодня ходили и любовались! И если у вас есть цветные карандаши, краски и бумага – сдавайте. У нас тут все общее!

Марина сжала зубы и потащила тяжелые чемоданы на второй этаж. Ей было неприятно, что «мы все», кем бы они ни были, ходили по «ее» номеру и «ее» балкону. Вряд ли после массового посещения уборщица еще раз помыла пол. Да, она взяла для Ани и бумагу, и краски, но делиться точно не собиралась. Что вообще за колхоз, где все общее, включая детей? И Женя эта, в роли добровольного массовика-затейника-аниматора? Ей заняться, что ли, нечем? Странная мимика. Лицевые тики? Марина внутренне понадеялась, что хоть кто-нибудь в этом отеле окажется адекватным. Или тут все с причудами?

Номер для молодоженов оказался тесным, но с огромной кроватью, да еще и под балдахином, который с четырех сторон удерживали деревянные стойки. Впрочем, балкон и вправду впечатлял. Марина села на стул, отметив наличие кофейного столика и пепельницы на нем, и застыла от восхищения. Море, лодки, яхта и крошечный, будто игрушечный, островок, почти рядом, кажется, рукой можно дотянуться. На островке явно теплилась жизнь – вокруг стояли лодки и катера. Марина подумала, что надо спросить у местных при случае про остров и как до него добраться – он буквально притягивал. Балкон тянулся за угол, где открывался не менее завораживающий вид на горы.

– Мам, можно я платье одену? – спросила Аня.

– Надену, платье на себя надевают, а куклу одевают, – на автомате поправила Марина.

– Хорошо, можно я платье надену? – послушно исправилась дочь.

– Да, конечно. Достань из чемодана. Можешь заодно повесить в шкаф остальную свою одежду.

Марина сидела на балконе и не хотела двигаться. Уши еще болели, но меньше. Ей до жути захотелось кофе. Нестерпимо. Благо она всегда возила с собой турку и пачку молотого кофе.

- Мам, а где мое платье? С цветочками? - крикнула Аня.

Марина нехотя поднялась, открыла чемодан, нашла платье, турку, кофе, поставила чайник, включила крошечную плитку на одну конфорку и сварила себе кофе. Аня выкладывала игрушки, краски, пластилин, книжки и все, что взяла с собой на отдых.

Марина с облегчением стянула с себя джинсы и майку, осталась в нижнем белье и с чашкой кофе вышла на балкон. Отельчик стоял на горе, ближайшие строения находились достаточно далеко, так что можно было ходить хоть голой.

Она села на балконе, поставила под ноги стул, передвинула поближе стол и закрыла глаза. Да, здесь, на этом балконе, она готова была провести весь отпуск. В тот момент, когда Марина поднесла ко рту чашку с кофе, в дверь настойчиво постучали. Она обожглась и решила сделать вид, что не слышит.

- Мам, стучат, - сказала Аня.

- Пусть стучат.

Стук не прекращался. Становился все более настойчивым.

- Ма-ам, - крикнула Аня.

- Я никого не жду. Постучат и перестанут.

Стук сменился другим звуком. Будто кто-то пытался высадить дверь плечом.

- Открой, - велела Марина дочери.

- Я боюсь. Мы же здесь никого не знаем. И ты не разрешаешь открывать дверь незнакомым людям.

Марина со стоном поднялась, нашла полотенце в ванной, кое-как прикрылась и открыла дверь:

- Пиветики-юлетики-омьетики. - На пороге стоял маленький мальчик.

- Чего тебе? Если никто не отвечает - значит никого нет дома! Это невежливо - так тарабанить в дверь! - грозно сказала Марина.

- А вы дома, - как ни в чем не бывало улыбнулся мальчик. - Тетя Марина, Аня где?

- Аня, это к тебе. - Марина мечтала вернуться на балкон. - И я тебе никакая не тетя, понятно? - рявкнула она на мальчика, но тот продолжал радостно улыбаться.

Дочь подошла к двери.

- Пойдем игъять, - позвал мальчик.

Девочка посмотрела на мать, та сделала жест - мол, иди, - и Аня выскочила вслед за мальчиком.

Марина сорвала с себя полотенце и снова устроилась на балконе. Еще раз подвинула второй стул, сложила на него ноги и наконец уселась, надеясь вволю налюбоваться островком. Да, надо было сходить в магазин, купить воды, сока, йогуртов, яиц, молока, но сил не было. Да и желания.

Когда она собиралась сделать глоток кофе, в дверь опять постучали.

- Твою ж мать! - Марина снова пошла упаковываться в полотенце, оступилась и со всего маху влетела в столбик, который держал балдахин. Так сильно, что в глазах потемнело, а в ушах зазвенело. Ругаясь и потирая лоб, она рванула на себя дверь.

- Ой, прости, у меня есть сахар и вода. - На пороге стояла Женя. - Тут из-под крана нельзя пить, я забыла предупредить. Как вкусно пахнет! Ты кофе варишь?

Я не знаю, может, кипяченую и можно пить. Вот, держи бутылку. Кстати, из местного магазина бесплатная доставка – они привозят все, что ты купишь. Пойдем, уже все собрались. Решили пораньше. Божечки-кошечки, какой вид с балкона! И балдахин – просто шикарно! Как вам повезло с номером! И мы можем заказать доставку еды. Тут есть супчик, рыбка.

Марина хотела выругаться матом, но из последних сил сдержалась. На лбу под ее ладонью выростала шишка.

– У вас так принято говорить: приветики-рулетики, божечки-кошечки, супчики? Без уменьшительно-ласкательных суффиксов вы умеете разговаривать? – спросила она, уже не стараясь казаться хотя бы вежливой.

– Так дети придумали, ну и мы за ними повторяем, – радостно объяснила Женя. – Ничего, ты скоро привыкнешь. Я тоже, когда приехала, первые два дня чуть не плакала. Никак не могла расслабиться. Все куда-то бежала, спешила. А теперь уже хорошо. Мы уже второй год в этот отель приезжаем.

– «Божечки-кошечки», – простонала Марина. – Женя, все-таки давайте на «вы», а во-вторых, можно я полчаса проведу в одиночестве? У меня дико болят голова и уши после перелета. И я не хочу ни с кем знакомиться.

– Да, да, конечно. Я, собственно, на секундочку. Хотела спросить, а вы много курите?

– Много.

– А часто?

– Одну за одной, а что?

– Тут семья хотела в наш отель переселиться. Номер по соседству с вашим пустует. Только их смущает табачный дым. Вы бы не могли курить меньше или с другой стороны балкона? Или вообще не курить? Может, вам помочь стулья и стол передвинуть? Они очень хотели переселиться к нам. Такая хорошая семья.

– Женя, это мой балкон. Я за него заплатила. И я буду курить столько, сколько захочу. И там, где захочу. Вы что, риелтор? Так вот, сообщаю вам и передайте всем моим потенциальным соседям – я злобная, мерзкая и скандальная тетка. Курю, как паровоз, много пью, ругаюсь матом и ору неприличные песни по ночам. Можете прикрепить рядом с моим номером оградительную ленту с надписью «Опасная зона» и предупреждением не заходить за ее пределы или повесить на мой номер знаки «Осторожно, здесь курят», «Не входить, убьет».

– Здорово, – с искренним восторгом в голосе ответила Женя. – Мне кажется, вы с Викой подружитесь.

– Ничего здорового. Я ни с кем не собираюсь заводить знакомства и уж тем более дружить! В описании отеля не значился пункт, что здесь запрещено курить. Здесь даже с животными можно. Можете приравнять меня к мопсам или чихуа-хуа. И, надеюсь, вы избавите меня от своего общества.

– Знаете, именно с такими людьми завязываются самые тесные дружеские связи! – Женя продолжала сиять улыбкой.

Марина решила, что имеет дело с сумасшедшей.

– Ну, спускайтесь побыстрее! А дети пока будут расписывать камушки и проходить церемонию знакомства! – радостно объявила Женя.

– Вы меня не слышите? Я не собираюсь ни с кем знакомиться!

– Мам! А мне можно мороженое, да? – Марина услышала крик дочери, который доносился со стороны двора.

– О господи...

Она терпеть не могла, просто с ума сходила, когда Аня кричала ей из одной комнаты в другую. Гриша тоже так же делал. Марина не ленилась встать, подойти и сказать все спокойно. Тысячу раз она просила дочь не орать, потому что это неприлично.

Марина, решив поговорить с Аней о правилах поведения, быстрыми глотками допила кофе. Пока одевалась, в голове крутились разные мысли – неужели они попали к сектантам, проповедующим вселенское счастье в семье и многодетность? Не дай бог, они плетут обереги от измены и читают мантры, способствующие сохранению домашнего очага. Не хватало, чтобы они еще Ане голову задурили своими церемониями. Что вообще за бред – церемония знакомства! Марина спустилась, собираясь оценить обстановку, забрать дочь и пойти в магазин, заглянув по дороге в соседний отель – на всякий случай узнать, есть ли номера. А заодно объяснить этим чокнутым сектантам, что она против «мягкого родительства», «нежного материнства», системы Монтессори, Вальдорфской школы и всех остальных методик развития детей вместе взятых. Вот в гробу их видала. И ее Аня будет воспитываться по старой советской методике под названием «мать сказала».

За большим столом во дворе уже собрались жильцы семейного отеля, обреченные на общество друг друга. Женя поставила на стол тарелку с черешней. Дети радостно ели мороженое и мантры читать явно не собирались.

– Ну, давайте начнем! – объявила Женя так, будто речь шла об утреннике в детском саду. – Сейчас каждый представится, скажет, как зовут ребенка, и расскажет что-нибудь о себе. Я начну. Меня зовут Женя, хотя уже все, наверное, знают. Моей дочке Катюше – пять. Мы приехали сюда всей семьей. – Женя улыбалась во весь рот и изображала вселенское счастье. – Стас, мой муж, сейчас к нам присоединится. Кстати, он по утрам занимается йогой и может провести мастер-класс для всех желающих. И у нас есть запасной коврик! Зеленый! Если кому-то нужен, мы с радостью поделимся!

Стас действительно подошел и сграбастал из тарелки черешню. Марина отметила, что Стас явно старше своей жены лет на десять. Около сорока, но молодится. Подтянутый, жилистый. На первый взгляд неприятный. Да и на второй – неприятный. Точно тараканы в голове. В отличие от Жени – не улыбается, молчит. Но явно – с завышенной самооценкой и ярым сторонник ЗОЖ. Стас сидел с такой миной, какую делают подростки, которые все понимают в жизни, а их заставляют делать уроки и читают нотации. Из тарелки он выбирал самые спелые ягоды. Даже странно, чем его привлекла задорная пышечка Женя с неумным оптимизмом. И еще более удивительно, что он не посадил ее на диету и не заставил питаться энергией света.

– Ну кто следующий? Давайте вы, бабушка Насти, – продолжала знакомство Женя. Она даже в ладоши хлопнула.

– Здравствуйте. Меня зовут Светлана Михайловна, – послушно стала отвечать бабушка. – Я приехала с внучкой, Настей. Меня сюда зять отправил. У меня очень хороший зять. Вы молодые, гуляйте. Если надо будет за детьми присмотреть, можете на меня рассчитывать.

– Это просто замечательно! – воскликнула Женя. Марине захотелось выпить, и немедленно, но для этого нужно было сначала сходить в магазин. – Так, кто следующий? Давайте вы! – Женя показала на красивую молодую женщину.

– Меня зовут Вика. Дочке Кире – восемь. Почему приехали? Не знаю. Хотелось на море. Я и не знала, что это семейный отель и у вас тут посиделки запланированы. Думала, просто отель. У меня отпуск. Хочу отдохнуть, только и всего.

Марина с интересом посмотрела на женщину: яркая, но с потухшим взглядом.

– А теперь ваша очередь! – обратилась Женя к Марине.

– Меня зовут Марина, и я – алкоголик, – сказала Марина. Женщины притихли. Вика улыбнулась. Женя застыла с приклеенной улыбкой, не справляясь с лицом. – Да, и я ненавижу детей, – продолжала Марина, – так что ни с кем сидеть не собираюсь. Еще я курю и ругаюсь матом. Ненавижу сельдерей на тот случай, если вы его сначала заряжаете энергией солнца, а потом употребляете в пищу. Ем мясо. Терпеть не могу йогу, кстати. И ярый противник ЗОЖ. Так что, если кто хочет выпить и покурить, добро пожаловать на мой балкон, но надеюсь провести это время в гордом одиночестве. Так что я не с вами, если что. Просто представьте, что меня здесь нет.

– Я вот тоже не понимаю сельдерей. Зять любит, а я не понимаю, – искренне поддержала Светлана Михайловна. – Картошечка жареная куда лучше, правда? Тут они не умеют картошку жарить. Ни лучка, ни чесночка не добавят. Я на обед заказала – резина резиной. А зять еще любит этот, как его, где все понамешано в стакане – и свекла, и морковь...

– Смужи, – подсказала радостно Женя.

– Точно, смузи. Ну хочешь ты свеклу, так винегретик сделай! Или селедочку под шубой. Там и морковочка тебе, и лучок. Куда ж вкуснее! Разве нет? А хочешь, чтобы желудок очистился, так кефирчиком сверху запей, и всё!

– А у меня голова болит, – поддержала разговор Вика. – Выпила сначала таблетку, не помогло, кофе – не помогло, вина – все равно болит. Мигрень. Всегда так на погоду реагирую. Наверное, шторм будет. Или дождь. Или наоборот – жара.

– Надо было сразу с вина начинать, – хмыкнула Марина. – Что я и собираюсь сделать. Все, приятно было познакомиться, мне еще в магазин надо. Всем до свидания.

– Подождите! Давайте составим расписание, – Женя наконец очнулась, – кто завтра на йогу утром? Мы ходим на ближний пляж. Я играю с детьми. Да, и еще просьба – если вы даете детям чипсы, газировку и другие вредные вещи, то только в номере. Чтобы остальные дети не видели. И гаджеты тоже только в номере.

– Опять же с запрещенкой можете приходиться ко мне на балкон, – улыбнулась Марина. – Взрослые будут пить, курить, а дети давиться чипсами и играть на планшете.

Женя снова впала в ступор.

– Мама шутит. – Аня давно подошла ко взрослому столу и принялась слушать разговор. – Мама почти всегда шутит. И она любит детей. Вот сейчас она тоже пошутила, потому что боится летать на самолетах и ей плохо после серпантина. Мне она чипсы никогда не покупает. И планшет у меня только для докладов в школе. Ни одной игры нет.

– Хорошо, знакомство состоялось! Конечно, не все смогли присоединиться, но завтра все равно увидимся, – быстро подвела итог встречи Женя, – кстати, вечером, после того, как уложим детей, можем встретиться и поиграть в настольные игры! Или, например, в мафию! Присоединяйтесь!

– Насухую играете? – хмыкнув, уточнила Марина.

Женя округлила глаза.

– Мам, а что значит «насухую»? – спросила Аня.

– Понимаешь ли, когда взрослые люди играют в детские игры, они это могут делать, только если выпьют. Причем много. И будут такими пьяными, что им покажется это очень веселым времяпрепровождением, – ответила Марина. – Пойдем-ка лучше на море. А на обратном пути в магазин.

– А ты купишь мне ласты? – спросила Аня.

– Конечно. Жень, ласты у вас не под запретом? А то вдруг это повредит гармоничному развитию и карме? Вы в какой секте состоите? – Марина почувствовала, что перегибает палку, но не могла остановиться.

Женя перестала улыбаться и замолчала. Марина встала, надеясь, что произвела нужный эффект и теперь к ней никто не подойдет ближе чем на десять метров.

Они наслаждались плаванием. Сплавали с Аней до буйков, попробовали плавать в маске, поиграли на мелководье. Наконец Марина легла на лежак, оставив Аню нырять за ракушками, и открыла книгу. Она очень прилично плавала, но не любила. В детстве мама заставляла ее ходить в бассейн. Елена Ивановна в молодости профессионально занималась плаванием, даже выступала за сборную института и мечтала привить дочери любовь к воде. Марина освоила все стили, доплавалась до КМС, но с любовью не сложилось. От бассейна у нее всегда начинали болеть и слезиться глаза. Гриша тоже хорошо плавал. Он всегда худел именно от плавания и три раза в неделю ходил в бассейн. Марина не разделяла увлечение мужа, чему он был только рад. Как-то, еще на заре их отношений, она обогнала его в бассейне, причем несколько раз. Гриша считал, что плавать прекрасно, а будущая жена указала ему на ошибки – любитель, никакой техники. Он обиделся.

Сейчас, глядя, как Аня пытается сделать стойку на руках в воде и тянет стопы, Марина вспомнила, как умоляла маму отдать ее на синхронное плавание, но Елена Ивановна отказала категорически. Марина подумала, что, может, стоит именно этим спортом занять дочь. Или уже поздно? Интересно, как отреагирует Гриша? А не наплевать ли, как он отреагирует?

Ей доставляло наслаждение лежать на первой линии у моря и читать. Отрываться от страницы, смотреть на волны, на островок вдали. Она так отдыхала. И сейчас больше всего на свете хотела, чтобы ее никто не трогал. Слава богу, что дочь была уже достаточно взрослой, хорошо плавала, и за ней не требовался ежесекундный пригляд. Аня ныряла, подбегала, выкладывала камушки и ракушки, снова убегала в море. Марина впервые за долгое время наслаждалась покоем. Надо было еще раньше уехать вдвоем с Аней. Когда они ездили вместе с Гришей или мамой, Марина так и не могла расслабиться. Гриша все делал по графику – разобрать чемоданы, закупить продукты. Оббежать все пляжи и выяснить, какой лучше. Мама же впадала в панику – море холодное, слишком жарко, почему такие странные манка и соль? А у них есть обычное масло? Рафинированное? Нет? А сыр обычный? Тоже нет? Боже, что делать? Мы все умрем с голоду без гречки! Здесь нет гречки! И огурцы странные – длинные, а коротких нет! Если Аня просилась на море в шесть вечера, Гриша удивлялся – в шесть положено принимать душ и собираться к ужину, а не идти на пляж. Марине хотелось утопиться или поменять билет и улететь ближайшим рейсом. Пусть сами отдыхают как хотят.

Но она терпела, понимая, что мама тяжело привыкает к новым условиям жизни, а Гриша всегда живет по графику и расписанию – ему так спокойнее. Маме и мужу нравились отели, обычные стандартные отели. Марине же жизненно необходимы были собственная кухня, чтобы варить себе кофе, и балкон или клочок земли перед домом. Ей нравилось покупать продукты, завтракать в пижаме, готовить самой, покупать свежую рыбу, мясо, стоять над плитой, пробовать прямо со сковороды.

– Здравсьте! Это вы – новенькие? – Над Мариной навис молодой мужчина с рюкзаком за плечами.

– Понятия не имею, – ответила она и сделала вид, что увлечена чтением. Но незнакомец присел на соседний лежак.

– Мы тут компанию собираем, – продолжил он. – Завтра в город на рынок съездить, фруктов купить. Дети клубнику просят, а здесь ее нет. Вы с нами или как?

– Клубники уже не будет нигде. Сейчас сезон черешни, – ответила Марина.

– Правда, что ли? Ну и ладно. Поехали, поищем. Может, вам рыба нужна? Или еще что-нибудь?

– Нет, спасибо. Я пока не готова к поездкам. Только приехала. И кажется, мы друг другу не представлены. Может, вы ошиблись?

Мужчина открыл рот, чтобы ответить, но его оборвала подошедшая женщина.

– Ну что ты опять к людям пристаешь? Видишь, человек отдыхает. Только приехали. Простите, – обратилась она к Марине. – Кстати, я Даша, а это мой муж Степан. Вы его не слушайте и не обращайтесь к нему. Он все равно будет к вам приставать. На одном месте вообще сидеть не может. Обязательно надо куда-то бежать, ехать не пойми зачем. Если вам понадобится что-нибудь экзотическое, например луна с неба, – обращайтесь к нему.

– Мне кажется, вы меня с кем-то перепутали.

– Вы же заселились в номер для молодоженов? И вы Марина, которая курит и ненавидит детей? – спросила Даша.

– Да, вы не ошиблись, – улыбнулась Марина.

– Повезло вам. Вид на море – умереть не встать. Можно я к вам на балкон как-нибудь зайду? Хоть отдохну от всех. Мы на первом этаже живем. Я все время как в витрине сижу. Дети бесятся во дворе, все к нам забегают, то в туалет, то воды попить. Я так хочу сидеть на балконе и смотреть на море! И чтобы никто над ухом не жужжал, – проговорила Даша.

– Не поверите, но я тоже только об этом и мечтаю, – хмыкнула Марина, надеясь, что ее намек будет понят.

– Слушайте, девчонки, а поехали вечером в ресторан! Мяса нормального поедим. Дашуль, я мяса хочу. Мне ваши перцы фаршированные уже поперек горла стоят. Хочу стейк. Обычный стейк средней прожарки. Наверняка в городе есть какой-нибудь мясной ресторан. Поехали, а? – снова включился в разговор Степан.

– Я на диете. Вообще ужинать не буду. Лучше иди с Колей поиграй. Помоги ему замок из песка построить, – велела мужу Даша.

Маленький Коля в это время сидел на берегу и ковырял лопаткой песок. Мальчик по характеру оказался упертый. Он насыпал горку, которую тут же смывало волной, но Коля снова и снова насыпал горку, не понимая, куда исчезла предыдущая.

– Марин, а вы как насчет мяса? – не унимался Степан.

– Я хорошо насчет мяса, только не сегодня. Меня серпантин подкосил, – призналась Марина. – До сих пор уши болят.

– Иди поиграй с Колей, – строго повторила Даша.

– Коль, а давай на водные аттракционы! – предложил Степан сыну. – Пойдем с горки покатаемся! Смотри, там можно забраться и прыгнуть в воду!

– Ты можешь просто посидеть с ним, пока я поплаваю? Вот, держи нарукавники. Не тащи его на глубину!

– Не, я хотел в магазин зайти. Вам что-нибудь нужно? – Степан с надеждой смотрел на Марину.

– Да, все нужно. Для завтрака. И вино. Пару бутылок как минимум, – ответила Марина.

– Отлично. Дашуль, я убежал. Надо же по-соседски помочь. Все куплю, из магазина доставят. Чек вам под дверь подсуну, потом деньги отдадите. И про ресторан подумайте! – Степан сорвался и убежал.

Коля все еще боролся с горкой из песка.

– Сын, судя по всему, в вас пошел, – заметила Марина.

– Ой, не знаю. Я рада, что вы приехали. Женя от вас в легком ступоре. Она на самом деле очень хорошая, добрая и искренняя. Просто ей нужно куда-то

энергию девать. Она нас тут совсем замучила своими инициативами, – поделилась Даша.

– Да, я это уже поняла. Но и вы меня простите. Я приехала отдыхать. Так что не собираюсь вливаться в коллектив. Надеюсь, я ясно дала это понять.

– Ну да. А кто собирался вливаться? Никто не собирался, – улыбнулась Даша. – Просто место такое. Семейный отель. Так что считайте, что на время отпуска у вас появится новая семья, причем многодетная. С большим количеством родственников, которых вы ненавидите, но терпите. Я для себя так решила.

– Я от старой семьи сбежала не ради того, чтобы новую обрести, – ответила Марина. – А где тут пляж, на который никто не ходит? Вот чтобы никого не видеть и чтобы никто не трогал?

– Там дальше есть, дикий. Но здесь удобнее. Здесь Георгий. Все равно вернетесь сюда.

– Завтра пойду на дикий. И я даже знать не хочу, кто такой Георгий и почему я ради него должна здесь оставаться, – сказала Марина.

– Я тоже пыталась сбежать, не получилось, – пожала плечами Даша.

– Девочки, вы косынку здесь не видели? – На пляже появилась Светлана Михайловна. – Я сегодня совсем рассеянная. Потеряла Настину косынку. Настюш, ты точно ее здесь оставила? Ладно. Где твои очки? Наверное, в сумке. Как – нету? Посмотри. Значит, в номере оставили.

Светлана Михайловна пошла осматривать другие лежаки. Настя тем временем отыскала косынку, нацепила на голову и пошла в ней же плавать.

– Они все время всё теряют, – улыбнулась Даша.

– Ладно, мы пойдем. Аня, нам пора! – крикнула Марина.

– Мам, еще пять минут! – крикнула в ответ Аня, которая стала играть с Настей и Колей.

– Я все-таки расскажу вам про Георгия, – сказала Даша. – Мы с ним дружим. Все, кто живет в нашем отеле. Он хозяин кафе. Вот этого. Называется «Утопия». Скажите, что живете в «Потерянном рае», и он всегда пустит вас в туалет и выдаст бесплатный сок или кофе. Детям – мороженое. Очень удобно. Захотите пообедать, тут есть детские порции за половину цены. Макароны всегда сварит. И блины он печет сладкие, а не пресные.

– Я собиралась готовить сама, – ответила Марина. – Тут ведь есть мясо, рыба? И я действительно пойду, может, успею догнать вашего мужа в магазине.

– Не волнуйтесь, Степан купит все что нужно. У него большой опыт. И ему Луиза поможет. Так что вы получите то, о чем даже подумать не успели.

– Луиза? Почему мне кажется, что я попала или в секту, или к маньякам?

– Нет, вы попали в сериал, – рассмеялась Даша. – Рассказываю содержание предыдущих серий. Хозяин нашей гостиницы, Александр, владеет еще магазинчиком, в который вы как раз собирались зайти, но Степан перехватил инициативу. Магазин, собственно, здесь один – внизу, под горкой. Так вот, Александр был женат на Луизе, которая там работает. Они хоть и развелись, только все равно живут вместе. Но сначала к Луизе Георгий сватался – хозяин «Утопии». Вроде бы у них такая любовь была, что искры летели. Должны были пожениться, но Георгий ей изменил. Чуть ли не накануне свадьбы. Потом сто раз просил прощения, в ногах валялся, однако она не смогла простить и вышла замуж за его двоюродного брата, то есть за Александра. Братья много лет из-за этого не разговаривают. Георгий тоже женился, но неудачно. Его жена бросила, и года вместе не прожили. Луиза после этого стала его опекать, присматривать. У Луизы и Александра есть сын, единственный. Виктор. Он помогает отвезти продукты тем, кто заходит в магазин, и доставляет на дом еду из «Утопии». У него еще есть свой кораблик – подрабатывает, когда молодожены заказывают венчание на острове в церкви и приезжает много гостей. Иногда на рыбалку выходит и рыбу продает, но только для своих – лицензии-то у него нет. Такая вот семья.

– Боже, какая трогательная история. – Марина не удержалась от сарказма.

– Тут много всего трогательного, – улыбнулась Даша. – Мне тоже сначала все не нравилось, а сейчас я, пожалуй, рада, что сюда приехала. Степану тут совсем

делать нечего. Он от скуки готов вешаться. Зато семейный бюджет не страдает. Тут ведь даже поехать некуда. И Коле здесь хорошо. Детям вообще все нравится. Море, песочек. Луиза – святая женщина. Любое детское питание достанет и в магазинчик привезет. Любое желание выполнит. Узнает, какие йогурты вы любите, какой сыр предпочитаете, и вы всегда найдете это на полке. Георгий готовит так, что все дети есть начинают. Еще советую подружиться с уборщицей в отеле. Ее зовут Мариетта. Выносите мусор за собой, и она вас полюбит. Будет стирать белье, не требуя стиральный порошок. Еще она очень смешно выкладывает ночные рубашки и раскладывает на кровати детские игрушки. У Коли любимая игрушка – заяц. Он с ним спит. Так Мариетта то корабль из моей ночнушки соорудит и зайца сверху посадит, то цветочную поляну водрузит из трусов Степана. Очень смешно. Коля хохочет каждый раз и просит Мариетту еще что-нибудь сделать из полотенец. У нее внуки остались в Армении, кажется, она по ним очень скучает. Поговорите с ней про внуков, ей будет приятно.

– Спасибо за советы. А можно тут ни с кем не общаться? Вот чтобы вообще никто не трогал? – спросила Марина.

– Можно, но не думаю, что у вас получится. Вечером сами все увидите. Понимаете, мы тут все случайно оказались. Никто не собирался ехать именно сюда, именно в этот отель. У каждого свои причины. Наверняка и у вас они есть. Вы ведь в последний момент номер забронировали.

– Откуда вы знаете?

– Так Мариетта убирала, чтобы успеть к вашему приезду. Вы же видели цветы, которые она оставила на кровати?

– Если честно, даже внимания не обратила. Плохо себя чувствовала. Дорога тяжелая оказалась.

– А Мариетта специально выясняла, девочка у вас или мальчик. Переживала очень. Только вчера в отель садовник приходил – подстриг кусты, и цветов не осталось. Мариетта сбегала на дорогу, срезала специально для вас.

– Обязательно ее поблагодарю. Спасибо, что сказали. Но мне правда не хочется заводить новые знакомства. Мы ведь не в пионерском лагере. Так что простите,

я не хочу показаться грубой или невежливой, просто хочу отдохнуть. От всего. Включая общение.

– Да, я понимаю. Но мне кажется, что мы все здесь на самом деле не случайно оказались. Я верю в то, что иногда судьба нас заносит в нужное время и в нужное место. Только понимаешь это не сразу, а потом. А иногда и не понимаешь вовсе, – задумчиво сказала Даша.

– Я вас умоляю! Давайте без судьбы! Мне хватило этой Жени, которая актриса и с лицевыми тиками. И ее мужа-йога. Сельдерей, судьба, мантры, церемонии, ЗОЖ... Я не по этой части. Так что, если позволите, я не буду вступать ни в какие связи – ни в творческие, ни в поэтические, и мне не нужны никакие кружки рукоделия, плетения ожерелий и валяния. Я не собираюсь заниматься йогой, ходить по горам с лыжными палками и качать по утрам пресс всем дружным коллективом. Никаких вечерних посиделок и душевспасительных бесед. Никаких игр – что там у вас из любимых? Мафия? Если наберете компанию на преферанс, то да, я присоединюсь. В шахматы с удовольствием сыграю. Но я сильно сомневаюсь, что здесь собрались поклонники преферанса и шахмат. У меня есть книги, хорошие сериалы и балкон. Сигареты и вино. Все, больше ничего для счастья мне не нужно. Так всем и передайте, хотя я честно пыталась донести эту информацию. И еще раз простите, хотя, если честно, я не понимаю, за что извиняюсь. – Марина собрала полотенца, окликнула Аню, которая быстро сообразила, что сейчас с матерью лучше не спорить, и направилась в сторону магазина. Взяла все самое необходимое на завтрак и застыла над полкой с вином. Наконец выбрала бутылку белого средней ценовой категории и уже была готова пойти на кассу.

– Поставь. Тебе это не надо.

– Что, простите? – Марина обернулась на голос и увидела женщину, которая выкладывала на полку салфетки.

– Говорю, вино поставь. Вот эту бутылку возьми. Дешевле и не хуже. Лучше сразу две бери. Мой сын привезет. Ты где живешь?

– В «Потерянном рае».

– Номер для молодоженов? Марина, которая курит и ненавидит детей?

- Да. А вы откуда знаете? Хорошая у меня репутация. Один раз пошутишь, и всё
- приклеилось, - рассмеялась Марина.

- Как откуда? Тут все всё знают. И тебе все это уже не надо. - Женщина показала на корзинку с продуктами, которую держала Марина. - Степан уже все купил. Я ему помогла. Только вино не взяли - еще поспорили, какое ты любишь. Степан говорил, что красное, а я чувствовала, что белое. Вот оказалась права. Как всегда. Так что бери вино, а остальное выкладывай.

- Вы Луиза? - уточнила Марина.

- Ну а кто еще?

- Ладно. Я тогда тоже спрошу. А почему вы так и не простили Георгия?

- О, уже успели насплетничать! - рассмеялась Луиза.

- Мне что-то нехорошо, - призналась Марина. Ее вдруг повело, она схватилась за полку, чтобы не упасть. Подташнивало, голова кружилась.

- Так, пойдём-ка со мной. Сейчас чай тебе заварю. Давай.

- Аня... - прошептала Марина, в одно мгновение покрывшись липким потом.

Луиза отвела ее на задний двор магазина и усадила на стул, оказавшийся очень удобным. Быстро принесла крепкий чай, в котором, помимо заварки, явно было что покрепче. Луиза выдала Ане упаковки с салфетками и туалетной бумагой и велела аккуратно разложить на полке в обмен на мороженое и пакет с мармеладками. Девочка с восторгом принялась выполнять поручение.

Марина мелкими глотками пила чай и приходила в себя. Луиза налила себе вина и призналась:

- Я что-то устала сегодня. Хотя еще и не разгар сезона. А почему Георгия не простила? Гордая была. Слишком. Мои родители хотели, чтобы я за Александра вышла. Все этого хотели. Георгий тогда был - ветер в голове, несерьезный. А

Александр всегда рассудительный, положительный. Сейчас бы я так не поступила. Бабуля моя покойная говорила, что я все равно буду с тем мужчиной, которому сердце отдала. Так и получилось. Георгий всегда рядом со мной, а я рядом с ним. Он мечтал уехать, уезжал на два года, потом еще раз на пять лет, но возвращался. Я тоже могла уехать, но его ждала. Всегда ждала. Он знал, что я здесь. Теперь что нам считать? Старые уже. Он так и не нашел свое счастье. А я? Женщины про счастье не думают. Они про детей будущих думают. Чтобы у них, у детей, возможности были, чтобы другая жизнь, не такая, как у нас. Только детям все это не надо. Мой сын... Виктор... Как я хотела, чтобы он мир увидел, хорошее образование получил, жил в большом городе! А он здесь остался. Лодку себе купил и счастлив. Захочешь свежую рыбу, скажи. Привезет. Еще свадьбы на остров возит. Ну и просто так, кто куда захочет. Может в открытое море отвезти или в бухту красивую. Если захочешь, скажи мне. Лодка «Призрак», ее все знают.

- Какие странные у вас названия, - улыбнулась Марина.

- Почему странные?

- «Потерянный рай», «Утопия», «Призрак»... Беспросветные, что ли. А на острове церковь? Действующая? Службы проходят?

- Зачем тебе? Ты же не верующая, - хмыкнула Луиза.

- С чего вы так решили? Из-за того что я крестик не ношу?

- Я всегда вижу. Нет, церковь сейчас только по заказу работает. Как и многое другое. Ее заранее бронировать надо - под венчание, например, или под крестины. Смешно, да? Отель бронировать и церковь. А церковь раньше хорошая была, я там тоже венчалась. И сына крестила. Мой одноклассник на острове работает.

- Работает?

- Священником. Если захочешь съездить на остров, тоже можно. Сын отвезет. Ну неформально, так сказать.

– Я хотела бы. Но у меня морская болезнь. Даже на катамаране тошнит, – призналась Марина. Никогда раньше она никому про свою морскую болезнь не рассказывала. Даже Гриша не знал. Про аэрофобию был в курсе и открыто посмеивался над Мариной, не понимая, как можно бояться летать. Он считал это своего рода капризом или придурью, не признавая, что этот вид фобии – болезнь. Марина не хотела рассказывать мужу, что ее только в собственной ванне не укачивает, а так – везде и всюду. На всех транспортных средствах, которые передвигаются по воде. Она знала, что Гриша просто не поймет. В лучшем случае – поднимет ее на смех, в худшем – решит, что Марина совсем ку-ку и уже не знает, какую еще фобию себе придумать.

– Виктор хорошо лодку ведет. Никого никогда не тошнило. Может, тебя от жизни тошнит, а не от морской болезни? Так бывает, – сказала Луиза.

– Может, и от жизни. А почему вы развелись с Александром, но продолжаете с ним жить?

– А с кем мне жить? Это и мой дом тоже. Мой сад. Мой ремонт и все, что есть в доме, – тоже мое. Я же каждую вилку с ножом, каждый стул и табуретку с любовью покупала. Думала, на всю жизнь. Не сэкономила. В том доме моя душа. И разве ты не живешь с мужем, потому что у вас дети общие, дом общий, родственники общие? Так и я. Как я могу все бросить, если каждое утро свекровь меня ждет? Она живет в доме, который рядом с детской площадкой. Совсем старенькая. В последний год сильно сдала. Но держится, умница. Еле уговорили ходунками пользоваться. Такая упрямая! С ходунками попроще стало. Она плавать очень любит ранним утром. Каждое утро я бегу к ней и на море веду. Потом стою с ней, пока она в воде. Как я могу ее не отвести? Иногда Мариетта помогает, дай бог счастья ее внукам. Знаешь, я смотрю, как свекровь в воду заходит, как стоит, когда ее волной окатывает и только в этот момент она счастлива. И я тоже счастлива. За нее. Ей хорошо, и мне хорошо. У тебя такого нет?

– У меня нет свекрови. Умерла. Но она меня не любила. Да и мы не знали друг друга, чтобы любить или не любить, – призналась Марина. – А мама с зятем никак общий язык не найдут. Нет, они не ругаются, но я между ними все время... Муж может ее словом обидеть, она потом плачет. А муж не понимает, что такого сказал. У него и мать была такая – сначала говорила, а потом думала. Я из-за нее тоже плакала поначалу, а потом перестала обращать внимание.

- Слово иногда больнее поступка может ударить.

- Если честно, я вообще не знаю, зачем сюда приехала. Живу теперь с сумасшедшими. Ваш Александр будто специально всех ненормальных в одном отеле собрал. Вы сами откуда приехали?

- Я из Грузии, но гречанка. И не Александр вас собрал, вы сами собрались, - рассмеялась Луиза. - Каждый год так. Ну почти каждый. Я научилась людей чувствовать. Тебе вот кофе положила в пакет, хороший. Крепкий. Молотый. Ты ведь любишь кофе. А кому-то чай нужен. Я многое могу сказать о человеке, глядя на то, что лежит в его корзине с продуктами. Вот ты сыр козий выбрала. Значит, в деревне росла. Разбираешься. Закажу тебе сыр вкусный. Через два дня привезут. Тебе понравится. А что до того, кто здесь собрался, - откуда нам знать, зачем мы здесь или в другом месте? Ты вот в судьбу не веришь, а я верю.

- А вы всех клиентов помните, кто что покупает и предпочитает?

- Естественно!

- Они же не вернутся. Приезжают на один раз. Ну, может, на два. Зачем вы запоминаете? Зачем «включаетесь»? Вам не все равно?

- Они приезжают и уезжают, а мы остаемся. Здесь у всех местных долгая память. Не как у городских. Вот ты сходишь в «Утопию» к Георгию, и он запомнит, что ты любишь, что любит твоя дочь. Воспоминания для нас - как кино для вас. Мы вспоминаем людей, события и смеемся, грустим, мечтаем, надеемся. Вы живете сегодняшним днем, а мы прошлым и будущим.

- Я не люблю вспоминать.

- Любишь. Ты же пьешь молотый кофе, сваренный, да?

- Ну и что? При чем тут кофе? Просто у меня изжога будет, если я выпью кофе из кофемашины.

- Еще скажи, что гущу не рассматриваешь, - хмыкнула Луиза.

- Откуда вы знаете? - Марина от удивления чуть со стула не упала.

- Отсюда. - Луиза показала на чашку с остатками чая, которую Марина автоматически перевернула на блюдце, как делала это всегда, когда допивала кофе.

- Если честно, я в это не верю, - улыбнулась Марина. - Просто привычка, ритуал. Моя бабушка всегда опрокидывала чашку и рассматривала узоры, хотя ничего в них не понимала. Я тоже смотрю, но тоже ничего не понимаю. Сегодня утром вот рыбу увидела.

- Распутье. Ты не знаешь, что делать, какое решение принять.

- Я всегда думала, что рыба - к беременности. А залетевшая в дом птица - к смерти.

- А птичий помет - к удаче и деньгам, - рассмеялась Луиза.

- Ну да.

- Нет, рыба к смятению. Но не стоит принимать знак всерьез - это сиюминутный прогноз, который твое состояние отражает. Помет - точно к тратам. Все вещи в химчистку придется сдавать, - рассмеялась Луиза.

- А можно я буду общаться только с вами и больше ни с кем? Мы будем обсуждать козий сыр и гадание на кофейной гуще? - спросила Марина.

- Можно, но у тебя не получится.

На задний двор ворвалась радостная Аня - доложить, что задание выполнено.

Луиза приняла работу и позволила девочке выбрать любое мороженое и любой пакетик с леденцами.

- Я еще приду раскладывать, ладно? - спросила та, прыгая от восторга.

– Конечно, – ответила Луиза, а Марина снова не смогла скрыть удивления – дочь ведь знала, что мама купит ей и мороженое, и леденцы, но, видимо, честно заработанные сладости действительно кажутся слаще.

Марина взяла еще сока, воды и оставила пакеты, чтобы их довез на мотоцикле сын Луизы. Когда дошли до номера, пакеты уже стояли на пороге.

Каким-то чудом они умудрились спокойно принять душ, переодеться и выйти с территории отеля незамеченными. Дошли до ближайшего ресторана, который с виду показался приличным. К Георгию Марина решила пока не заходить, потому что не хотелось поддаваться общему стадному чувству – ну почему они должны ходить именно в «Утопию», раз все остальные ходят именно туда? Марина разрешила Ане съесть пасту «без всего», только с сыром, а сама жевала овощной салат. Ее грела мысль, что сейчас она вернется в номер, где ее ждут бутылка вина в холодильнике и балкон с видом на море. Марине не терпелось вернуться в отель и пораньше лечь спать.

Но во дворе за большим столом уже сидела компания.

– О, вы вовремя! – окликнул ее Степан.

– Нет, я пас, спать хочу, – ответила Марина.

– Мам, можно мне на качелях покачаться? – спросила Аня и, не дожидаясь ответа, убежала.

– У нас сегодня дегустация! – объявил Степан. – Черешню не нашел, мяса никто не захотел, так что я привез вина. Обнаружил местный магазинчик, который специализируется на ягодном вине. Давайте пробовать. Если уж и травиться, то вместе. Смотрите, у меня тут есть ежевичное, клюквенное, вишневое и еще какое-то, я уже не помню. Взял все, какие были. – Степан доставал из рюкзака бутылки, одну за другой.

– А с виду рюкзак небольшой, – улыбнулась Марина.

– Вы не представляете, какой он вместительный! Светлана Михайловна! Вам какое налить попробовать?

– Ой, даже не знаю. Я такие никогда не пила. Да мне вообще нельзя. Сейчас зять будет звонить, он мне всегда звонит утром и вечером, а вдруг поймет, что я выпила? – всполошилась Светлана Михайловна.

– А вы просто не отвечайте на звонок! Скажете, что связь плохая. Она тут и вправду плохая! Все, я открыл ежевичное! Хотя пахнет оно почему-то вишней. – Степан понюхал вино в бокале.

Светлана Михайловна пригубила и повеселела.

– Мне нравится. На наливочку похоже. Домашнюю. Я вообще люблю, чтобы сладко было – ликеры всякие. Не то чтобы я разбираюсь, вообще не разбираюсь, но это мне нравится. На чем, интересно, настаивают? На водке или на спирте, как мы?

– Марин, а вам как? – поинтересовался Степан.

– Ужас. Портвейн «Три семерки». Нет, это хуже, чем «Три семерки»! Лучше я свое принесу, уж извините, – ответила она и пошла в номер за бутылкой.

Когда вернулась, Степан открывал уже вторую бутылку. Разговоры шли о детях, погоде на ближайшие дни, обещанной жаре и плохом вай-фае – вроде бы лучше всего ловилось на крутой тропинке, ведущей к отелю, и в номерах на втором этаже, если высунуться в окно. Но если шторм или дождь, то связи нигде нет. Вика показывала Светлане Михайловне, как отключать на телефоне звук, как делать тише. Они выбирали мелодию для будильника и вызова. Остальные дружно советовали, какой рингтон лучше звучит.

– Мне зять телефон подарил перед поездкой, – объяснила Светлана Михайловна. – Все настроил сам. А меня так звонок раздражает – он сирену мне поставил, чтобы я всегда телефон слышала. Я аж на месте подпрыгиваю каждый раз. Викуль, а можно и эту мелодию поменять?

Марина не без интереса наблюдала за Викторией, которая при первом знакомстве показалась ей холодной и закрытой. Сейчас Вика улыбалась. Совсем другое лицо. Даже другая женщина. Марина гадала, что ее – молодую красотку – привело в этот отель. И почему у нее такой потухший взгляд.

– А где Женя? – спросила Марина.

– Вон они идут, – ответила Вика.

Женя со Стасом вышли из номера, но счастья эта пара точно не излучала. Муж о чем-то безостановочно говорил, жена молчала. Марине даже показалось, что Женя боится мужа и побыстрее хочет добежать до общего стола, чтобы примкнуть к компании. Стас взял ее за руку и задержал, продолжая что-то втолковывать. Она обреченно кивала. Наконец они подошли к столу.

– Так, вам какое? Красненькое или беленькое? Мы решили выпить за знакомство! Все-таки нам жить вместе, и лучше сразу понять, кому больше не наливать! – хохотнул Степан.

– Мы не будем, – решительно заявил Стас.

– Ну вот, приветики-рулетики, божечки-кошечки! Женечка, чего вдруг? – Степан продолжал веселиться.

– Я бы выпила, но Стас сказал, что тогда эффекта не будет, – понуро ответила Женя, и на ее лице появилась гримаса грустного клоуна. Марина невольно восхитилась этой удивительно подвижной мимикой. Еще мгновение, и Женя должна была поднести сжатые кулаки и глазам и изобразить, как она плачет. А из глаз брызнули бы струи воды, как у клоунов в цирке.

Вика со Светланой Михайловной отвлеклись от телефона и тоже переключили внимание на Женю.

– Так, похоже, мы тут надолго засядем. Без меня не рассказывайте! – объявила хозяйственная Даша. – Позвоню Георгию в «Утопию», ужин детям закажу. Дети, все будут макароны?

– Даааа, – заорали дети, – и мороженое!

Даша позвонила и сделала заказ. Уже через десять минут на скутере приехал сын Луизы Виктор и привез в контейнерах макароны с мясом и без, мороженое, хлеб, уже нарезанный арбуз и все остальное. Марина с удивлением смотрела,

как капризная малоежка Аня уминает вторую порцию макарон за вечер и заедает все хлебом. Даша устроила детям отдельный стол и успевала и сок наливать, и арбуз раскладывать. Степан в это время открывал сразу все бутылки, чтобы «подышали». Удивительная пара. Совершенно разные. Но оба легкие.

Марина сама была когда-то такой, немного похожей на Дашу. Во всяком случае, ей так хотелось про себя думать: заботливой хозяйкой, хорошей, слегка тревожной матерью. Когда Аня была маленькой, Марина обожала с ней гулять – по пять часов, не уставая. Играла с другими детьми, заводила подруг, легко знакомилась. У них была сложившаяся компания мамочек, гуляющих с колясками, и Марина ждала утра, чтобы бежать в парк, катать Анюту с горки, болтать с другими молодыми матерями и бабушками, обсуждать маленькие и большие проблемы – от прорезывания зубов до аллергии на мед. Она была по-настоящему счастлива. Аня принадлежала ей безраздельно и безгранично. Гриша, конечно, любил дочь, но не очень понимал, что хочет грудной ребенок, почему малышка вдруг начинала плакать. Пока дочка была младенцем, пока училась ползать, а потом ходить, ей нужна была только мама и никто больше. А Марине была нужна только Аня и такая жизнь – с прогулками, материнскими тревогами, страхами, радостями. Если Марина когда и испытывала абсолютное счастье, кристаллизованное, пронизывающее до костей, до кишечника, так это в те первые годы материнства.

Когда счастье закончилось? В тот момент, когда Ане исполнилось три года. Гриша записал дочь в бассейн, в секцию, где малыши прыгали на батутах, переползали через препятствия, и на развивающие занятия в другой клуб. Он не считал нужным посоветоваться с женой, не поинтересовался, что она об этом думает. А Марина отчего-то согласилась на все занятия, решив не спорить с мужем. Интуитивно она понимала, что Ане все еще нужна их детская площадка, где стоит вырезанный из дерева медведь, где есть любимая горка и любимые качели. Где есть подружки. Но Марина лишила дочь всех радостей ради полноценного развития. Все Маринины знакомые остались там же – на детской площадке. Марина же вступила в лагерь сумасшедших мамаш, которые возят, привозят, развивают с пеленок, планируют, составляют расписание. Еще Гриша мечтал о том, чтобы Аня занималась фигурным катанием, и на день рождения – четыре года – подарил дочке коньки. Марина покорно возила дочь на секции. Новые знакомые ей не нравились. Она оказалась из другого теста и не могла влиться в коллектив ждущих в раздевалках мамочек, которые все знают про предстоящие соревнования, перемывают кости тренерам, чтобы уже через минуту чуть ли не кинуться им в ноги. Марине все время было не по себе. Так

бывает в подростковом возрасте, когда все девочки вокруг кажутся немислимыми красавицами, а одна ты – уродина. И все, конечно, видят, кака ты уродина. Марина слушала, как мамы успевают отвезти дочь рано утром на тренировку, потом заехать в строительный магазин, потом в кафе – выпить кофе с приятельницей, потом в салон сделать маникюр и успеть вернуться вовремя, чтобы забрать ребенка с тренировки. Марина с трудом вставала, с еще большим трудом отвозила Аню на тренировку, доходила до ближайшей кофейни, пила мерзкий кофе, и если ей кто-нибудь предложил бы съездить в строительный магазин выбрать новые обои для коридора, она бы точно убила инициатора. Она все время чувствовала собственное несовершенство.

Вернувшись с Аней домой после тренировки, она чувствовала себя не меньше уставшей, чем дочка. Иногда она завозила Аню в кафе, чтобы не готовить дома ужин. Гриша не понимал, что с ней происходит и отчего она настолько устает, что не может даже посуду помыть. Марина могла, но не хотела. А во время тренировки или Аниных занятий забивалась в угол раздевалки или вестибюля, открывала книгу и старалась ни с кем не общаться.

Гриша настоял на занятиях ментальной арифметикой. Марина понимала, что должна разобраться, что это такое, но на нее напала апатия. Ментальная так ментальная. Арифметика? Да хоть кибернетика! Почему ей было некомфортно, она не могла объяснить даже самой себе. Так бывает. Сидишь за одним столом с человеком, этот человек не желает тебе зла, ничего такого не говорит, а раздражает. Каждое слово раздражает. Вот так было и здесь – вроде бы все мамы как мамы, обычные женщины, а Марина уже в машине начинала нервничать. От ее легкости скоро не осталось и следа. И уже никто не подходил к ней с разговорами, чтобы узнать последние сплетни и обсудить новую форму, которую заказали всем детям в группе.

Ане передавалось настроение матери, и она ходила на фигурное катание без особого удовольствия. Точнее, вообще без удовольствия. Но ходила. Потому что так решил папа. Впрочем, как и на ментальную арифметику. Марина видела, что Аня не хочет, но боится в этом признаться. Потому что опять же так решил папа. Мотивации, кроме желания отца и мужа, у них двоих не было никакой. Аня тоже стала колючей и менее ласковой. Раньше дочь любила лечь на Марину – живот к животу, растечься всем телом, расслабиться и чуть ли не мурлыкать, когда Марина чесала ей спину. Она так и просила: «Почеси». Марина будила дочь такими ласковыми почесываниями или щекотала пятку. Аня все реже просила «почесать» и совсем перестала на нее ложиться. Марина

лишилась главной своей радости и сокровенных минут, ради которых готова была на все. В том числе – сохранить брак, оставить Ане полную семью, избавить ее от необходимости выбирать маму или папу. Марина хотела лежать на диване, прижимать к себе дочь и видеть, что Аня счастлива – мама и папа рядом, вместе, все хорошо. Марина боялась, что резкие движения или необратимые изменения разрушат ощущение пусть зыбкого, но спокойствия. Она боялась не за себя, за дочь. А вдруг та не справится? Вдруг замкнется в себе окончательно и перестанет вообще подпускать ее к себе?

Марина видела таких девочек в их группе – повзрослевших раньше времени, из тех, кто не пропадет, сумеет выжить. Самостоятельных, деловитых, немного наглых и уже очень хитрых. Однажды в раздевалке она увидела девочку Лесю, та занималась в одной группе с Аней. Леся сидела на лавочке и плакала.

– Лесь, ты чего? Что случилось? Где твоя мама? – спросила Марина.

– Мама с Тасей, моей младшей сестрой. Они гуляют. Тася полгода назад родилась. И мама теперь всегда с Тасей, а я одна. А у меня голова болит, сильно.

Леся горько заплакала. Марина, не зная, как поступить, прижала к себе девочку и начала жалеть. Наконец подошла Лесина мама, действительно с грудной девочкой на руках, и свободной рукой рванула старшую дочь к себе.

– Пошла, я сказала! Опять ты свои фокусы показываешь? – заорала она.

– Леся сказала, что у нее голова болит, – попыталась встать на защиту ребенка Марина.

– Жопа у нее болит. Надоела! Каждый раз эти спектакли закатывает. То чужим мамам, то тренерам. Жалуются, что ей внимания не хватает.

– Может, ей действительно не хватает ласки и внимания? – стараясь быть предельно корректной, заметила Марина.

– Ремня ей не хватает, – рявкнула Лесина мама. – У вас есть еще дети? Нет? Вот и не лезьте с советами. А у меня еще двое старших.

– Мне кажется, количество детей не переходит в качество их воспитания, – заметила Марина.

– Своим ребенком занимайтесь! У вас все равно никаких шансов, ничего не светит.

– Где не светит? – не поняла Марина.

– Здесь не светит! У Леси данные, а ваша – кочеряжка. Все это видят, кроме вас. Жопы под коленками. Как она с такой жопой прыгать будет? Вот есть же такие родители – про других все понимают, советы дают, а у своего ребенка ничего не замечают. Вас держат, потому что вы платите. А мы на бюджете. Понятно вам?

Марине давно ничего не было понятно. Как-то она позвонила маме. После дежурных вопросов про здоровье Елена Ивановна вдруг спросила:

– Надеюсь, оно того стоит.

– Что, мам? – Марина уже не вспыхивала, чувствуя какую-то глобальную усталость, нежелание двигаться и апатию к внешнему миру. Она была не готова решать, что делать с собственной жизнью, не готова отвечать на вопросы, не требующие ответа. На которые вообще не может быть ответа. Ей хотелось замереть в пространстве, во времени и даже не дышать. Прижать к себе Аню, которая кидалась к ней после тренировки, и в эти редкие минуты Марина, как прежде, массировала спину дочери, натываясь на острые позвонки. Аня прижималась и успокаивалась. И когда уже дочь готова была вырваться из материнских объятий, чтобы побыстрее сбежать из раздевалки, Марина невольно ее удерживала, притормаживала – еще пять секунд, еще десять. Аня была ее и только ее.

– Я всего лишь интересуюсь оплатой Анютиной секции, – сказала мама. – Меня интересовало, насколько профессиональные там тренеры. Ты же знаешь, как это важно, если вы собираетесь выбрать именно этот путь.

Марина замолчала. Мама всегда умела спросить о том, что крутилось у Марины в голове, а потом резко повернуть вопрос в другое русло.

– Гриш, может, пока не будем загонять Аню? – спросила как-то вечером Марина. – Она еще маленькая, а у нее режим как у профессионального спортсмена. Да и я устала от этих секций. Там одни разговоры про разряды, про достижения. Там мамы готовы перегрызть друг другу глотки из-за того, что чьего-то ребенка выставляют на соревнования, а другого не пригласили. Я не хочу, чтобы Аня росла, понимая, что нужно бороться за место под солнцем и выживать.

– И что ты предлагаешь? – спросил Гриша.

– Музыка, танцы, рисование. Она же девочка, ей это нужно.

– Ну да, а спорт, значит, не нужен?

– Ну почему? Просто я говорю, что ей пока достаточно просто бегать и прыгать на детской площадке. Ей нужно заниматься ради удовольствия, а не через не могу.

– У меня была одна знакомая, рисованием занималась, чокнутая на всю голову. Танцы? Чтобы она попой училась вихлять? Если ты не справляешься, так прямо и скажи. Я сам буду ее возить.

– Гриш, мне кажется, мы о разном говорим. Совершенно. У тебя какие-то странные представления о творческом развитии ребенка. Ладно, я подожду. Мне кажется, Аня сама бросит и бассейн, и фигурное катание. Ты хоть знаешь, что она плачет и не хочет идти?

– Ну и что? Поплачет, перестанет. Пусть учится себя преодолевать.

– Она маленькая. Она не должна себя преодолевать, Гриш. Она должна играть в куклы, в догонялки с подружками и учиться кататься на велосипеде!

Тогда они с Гришей так и не договорились, но все образовалось само собой. Аня сильно простудилась, долго болела, и от бассейна пришлось отказаться. А рядом с домом открылась студия фольклора, где дети пели, танцевали и стучали в бубны, и Марина записала туда Аню. Гриша сделал вид, что все нормально, но Марина помнила тот разговор и сейчас. Да, сейчас... она бы ответила Грише по-

другому и, наверное, ушла от него. Стоило так и поступить, мама бы ее точно поддержала. Но тогда Марина списала все на Гришино детство – он очень хотел играть в хоккей, мечтал о коньках и клюшке, но у его матери не было возможности купить коньки и возить сына в секцию. Мама воспитывала Гришу одна, денег всегда было в обрез. Велосипед перепал от более состоятельных соседей, как и футбольный мяч, кеды и форма – Гриша донашивал ее за соседским мальчиком и очень этого стеснялся. Сейчас Марина точно знала – дело не в детстве, каким бы трудным оно ни было, дело в собственных комплексах и болезненной мнительности. И у Гриши внутренних тараканов оказалось очень много. Марина тогда пыталась поговорить с мамой, посоветоваться. Но та не захотела поддержать разговор, ограничившись фразой, которая запала Марине в душу:

– У него не тараканы, а заячья душа. Нет, душонка. Странно, что ты это не видишь. Еще более странно, что не чувствуешь.

Марина, все еще погруженная в воспоминания, проверила телефон – ни одного звонка от Гриши, ни одного сообщения. Светлана Михайловна в это время отчитывалась зятю по телефону:

– Тут связь плохая, только в одном месте ловится. Нет, нормальный голос, не странный. Сейчас дам Настюшу.

Светлана Михайловна с облегчением передала трубку внучке, которая рассказала папе, что все хорошо, они едят макароны и арбуз, у нее есть подружки, а бабушка все время рядом и сейчас они пойдут спать.

– Моя ж ты золотая, – чуть не расплакалась Светлана Михайловна. Степан заботливо подлил еще вина.

– Степа, это какое? – уточнила бабуля.

– Вишневое. – Степан посмотрел на этикетку.

– Странно, а пахнет малиной, что ли, – удивилась Светлана Михайловна. – И тоже похоже на наливку. Слушайте, у меня была подруга – директор мебельного

магазина. Какую она настойку делала! С ума сойти! И на лимонных корках, и на ореховых пленках. Собственная технология, которую она в секрете хранила. Вот я так жалею, что не разузнала рецепт. У нее был весь балкон заставлен настойками. Когда она умерла, ее невестка все их выбросила. Ладно еще настойки, хотя тоже жалко. Там такая коллекция графинов и бутылок была – закачаешься! Для каждого вкуса – свой графинчик, своя пробка. Мы с ней ездили на блошинный рынок в Измайлово, помните, раньше такой был, сейчас и не знаю – остался ли. И там ей графины искали необычные. Вишневка всегда была в ярком стекле, а наливка на ореховых пленках – в темном. Для лимонно-апельсиновой был такой нарядный графин с мельхиоровой крышечкой. Произведение искусства. Пьешь из такого графина – и уже вкусно. Заранее. Вот я думаю, как людям не жалко? Неужели и после меня дети все выбросят, потому что не понимают?

– Выбросят не моргнув глазом, даже не сомневайтесь, – ответила Вика. – Ладно, что у вас случилось? – обратилась она к Жене.

Та улыбнулась, но как-то совсем не радостно. Оказалось, Стас решил в отпуске не только заниматься йогой, но и пройти процесс очищения организма. Очищаться он планировал касторовым маслом методом приема внутрь. Поскольку Женя страдала от избыточного веса, точнее, она не страдала, страдал Стас, который мечтал видеть жену худой и в позе «собака мордой вниз», он решил, что Женя должна пройти процесс очищения вместе с ним.

– Женечка, а вы представляете себе, что будет после того, как выпьете касторку? – уточнила вежливо Светлана Михайловна.

– Ну Стас мне рассказал. Я... схожу в туалет.

– И не один раз, не один... – рассмеялась Светлана Михайловна.

– Да, Стас составил график походов в туалет, – ответила Женя. – Но ведь это безопасно, правда? Он сам так регулярно «чистится».

– Стас, а откуда у вас касторка? – спросила Марина, начиная глупо подхихикивать.

– Привез с собой, – ответил Стас и заранее обиделся.

- Поня-а-ятно. То есть вы специально везли с собой касторку? – не смогла остановить себя Марина.

- Да, а что такого? – Стас покраснел и втянул живот.

- Женечка, дорогая, вы рожали совсем недавно. А я уже бабушка. И раньше, в мои годы, касторку использовали во всех роддомах, – ласково продолжала Светлана Михайловна.

- Еще я эту касторку застала, – поддержала Марина.

- Почему в роддомах? – ахнула Женя.

- Жень, ты же образованная женщина, хотя бы погуглила перед тем, как что-то глотать, – резко сказала Вика.

- Женя, мы уже все решили, разве нет? – возмутился Стас. – Я пойду в магазин, надо купить еще воды и туалетной бумаги. Вернусь, и мы начнем.

Все молча наблюдали, как Стас уходит. Стоило ему скрыться за воротами, как Степан щедро налил Жене вина. Марина достала сигарету и с наслаждением затянулась.

- Мы же договорились, что не курим в общих местах, тем более рядом дети, – сказала Женя, но как-то без энтузиазма и рвения.

- Не кури, пей касторку, – резко ответила Марина.

- А меня, знаете, что смущает? – подала голос Вика. – Составленный график походов в туалет. А если приспичит вне графика? Тогда что делать? Жень, если что – можешь ко мне зайти. Слушайте, вроде голова перестала болеть. Марин, можно мне еще твоего вина? С меня завтра бутылка.

- Я не очень хочу пить касторку, честно говоря, меня Стас заставляет, – призналась Женя, хлебнула вина и тут же оглянулась, будто муж мог внезапно появиться за ее спиной.

– Женечка, касторка – это своего рода карательная медицина. Если нянечке не хотелось делать клизму, нам просто давали выпить на ночь касторовое масло. И поверьте, вам не только туалетная бумага понадобится, но и ведро. Меня рвало. Как сейчас помню. Лучше рыбий жир выпить, чем касторку, – ласково сказала Светлана Михайловна.

– Я никогда не пила рыбий жир. Только в таблетках. – Женя совсем расстроилась.

– Вот и пользуйтесь достижениями современной медицины! Зачем себя так мучить! Пейте вино, смейтесь, ешьте! Вот мне уже мясо нельзя, из-за зубного протеза не могу прожевать. Так и то пытаюсь! А вы молодая, вам все можно! Зачем же себя так истязать?

– Стас говорит, что мне это пойдет на пользу, – прошептала Женя и одним глотком допила вино. Степан ей тут же подлил. – Он сказал, что все зависит от того, сколько во мне шлаков. Если много, то часто буду бегать, а если мало, один раз – и всё.

– Если он пошел за дополнительной упаковкой туалетной бумаги, то уверен, что ты зашлакована по самую макушку, – хохотнула Вика. – А ты всегда слушаешь, что тебе муж говорит?

– Ну да. Он же лучше знает. Про касторку...

– Ну и дура. Я вот тоже слушала. Теперь нет, – пожала плечами Вика. – Некого больше.

– Викуль, твою историю оставим на завтра. Сегодня у нас на повестке дня касторка! – рассмеялась Даша. – Надо переубедить Женю. Степ, может, ты Стаса напоишь?

– Не, бесполезно. Я предлагал, отказывается наотрез. Может, вам протечку в туалете устроить? Или замок сломать? – предложил Степан.

– Тогда он просто отложит до завтра, – ответила Женя.

– Зачем же он тогда с тобой живет, раз ему не нравится, как ты выглядишь? – спросила Вика.

– Не знаю.

– А ты с ним зачем живешь? – не отставала Вика.

– А с кем мне жить? У меня больше никого нет. Только он и Катюша, – испуганно ответила Женя. – Ну он знает, что мне йога не очень нравится. Я ему говорила. Я ведь честно пыталась заниматься. Не могу. Не мое это. Там же своя философия, а я ее не понимаю. Ну не верю в это все – перерождение, карму. Стас еще вегетарианством увлекся, а я не могу без мяса, мне прямо нехорошо становится, голова кружится. Стас говорит, что я привыкну, а я не могу. Котлеты Катюше жарю, разве не попробую? Или курочку. Я очень люблю жареную курицу, с корочкой подгорелой. Вот до одури. Мясо могу не съесть, а кожу сдираю. А Стас теперь сам себе готовит. Еще я на лыжах люблю ходить. На беговых. В детстве с папой ходила в парке. На физре всегда первой приходила. Физрук удивлялся, я ведь всегда была толстой, а бегала быстрее всех. А Стас лыжи не понимает. Мне очень хорошо на лыжах в лесу. На горных я пробовала, мне тоже понравилось. В лесу так хорошо бывает, особенно когда морозец. Когда лыжня мерзлая и никого нет вокруг, потому что слишком холодно. Стас говорит, что я не мерзну, потому что у меня жир, а он мерзнет, потому что худой. Но у всех же свои предпочтения, интересы и пристрастия. Это ведь нормально?

– Ну если ты считаешь нормальным, что кто-то решает, толстая ты или худая, пить тебе или не пить, что есть и когда есть, то да, отличная семейная жизнь, – язвительно, даже зло заметила Вика.

– Я думала, что один вечер переживу. – Женя уже чуть не плакала.

– Ага. Сходишь в туалет, причем по графику, ни минутой раньше, ни минутой позже, потому что муж так решил. И йогой займешься, чтобы мужу угодить. Господи, почему мы такие идиотки? Мужик возит в чемодане касторку. И мы считаем это нормальным! – Вика дернула рукой и уронила бокал. Даша откуда-то вытащила салфетки и быстро вытерла со стола.

– Викуль, успокойся, – сказала Даша.

- Не могу. - Вика подставила бокал, чтобы Степан налил еще.

- Он два коврика для йоги привез. - Женя дождалась, когда Степан нальет всем вина, и сделала щедрый глоток. - А дети уже поели? Там ничего не осталось? Я, когда нервничаю, всегда есть хочу. Стас сказал, что перед очищением лучше не ужинать. А у меня в животе урчит. Есть хочу, умираю. Еще и опьянею на голодный желудок.

- Сейчас. - Даша собрала недоеденные макароны и арбуз и переставила всё на взрослый стол.

Женя тут же накинулась на тарелку.

- Вик, ты такая красивая. Тебе все можно - и есть, и пить. И наряды у тебя - с ума сойти. Моя Катюша от тебя взгляд не может отвести. Только и говорит, какая тетя Вика красивая. А я даже платье вечернее не взяла и туфли на каблуках летние, новые, в последний момент выложила из чемодана. - Женя чуть не плакала.

- Зато у твоего мужа два коврика для себя, любимого. Один поплотнее, другой - потоньше, для разных поверхностей, - ответила Вика.

- Да, а как ты догадалась? - удивилась Женя.

- Божечки-кошечки, как ты говоришь. У тебя муж - маньяк! И больной на всю голову!

- Так, Викуле больше не наливать, - рассмеялся Степан, - а то мы все сейчас расстроимся. А нам надо Женю спасти!

К тому моменту, когда вернулся Стас с упаковкой туалетной бумаги на двенадцать рулонов, Степан открывал четвертую бутылку вина. Дети играли в салки. Взрослые доедали за детьми арбуз. Перед Женей стояла самая большая порция пасты-болоньезе. Она была совсем пьяна.

- Мы же договаривались! - закричал, не сдержавшись, Стас. - И ты обещала не есть мясо! Хотя бы две недели!

– Не кричите, пожалуйста. У меня начинается мигрень. – Вика повела голым плечом так, что Стас устоялся на это плечо и замолчал. – Кстати, вино от головной боли очень помогает. Или дело в количестве?

– Вика, а ты с утра попробуй. Может, сразу с вина начинать вместо кофе и таблеток! – улыбнулась Даша. Женя сидела как пришибленная, дожевывая макароны с таким видом, с каким дети уминают кусок торта или шоколадку, опасаясь, что сейчас придет мама и отберет лакомство.

– Да, надо будет попробовать, – улыбнулась Вика.

– Викуль, а что это значит? Смотри, мне зять написал, – охнула Светлана Михайловна, показывая сообщение.

– А вот, смотрите, – рассмеялась Вика. – Вы отправили абоненту сообщение «К сожалению, сейчас я не могу ответить» и картинку – жующего попкорн кота. А этот зайчик – аватарка. То есть на месте зайца, вылезавшего из шляпы, могла бы быть ваша фотография.

– Он решил, что я сошла с ума. Я ж даже не знаю, куда нажала! Я случайно! Уже семь пропущенных звонков! А я их даже не слышала!

– Потому что мы убрали звук.

– А что, так можно было? Удивительно.

– Теперь я буду повторять фразу: «А что, так можно было?» – рассмеялась Вика.

Марина уснула сразу же, как только добралась до кровати. Ей снился роддом и как она рождает Анюту.

День второй

Марина проснулась рано – еще не было восьми. Она проверила телефон – Гриша так ничего и не написал. Пришло одно сообщение от мамы: «Волнуюсь, сообщи, как устроились». Марина ответила, что все хорошо, просто идеально. Она полежала еще минут пять, раздумывая, написать ли Грише, но не стала. Зачем? Да, нормальная семейная жизнь – муж не спрашивает, как дела у жены с дочкой, а жена не сообщает. Но Гриша всегда был таким. Марина поначалу даже обижалась – неужели ему неинтересно, неужели он даже не волнуется?

– Если бы что-то случилось, ты бы позвонила, – ответил Гриша. – А если не звонишь и не пишешь, значит, все в порядке.

В принципе это было логично. Но Марине так казалось только в начале их семейной жизни. После пяти лет брака она перестала сообщать мужу, даже если что-то происходило. Она вдруг поняла, что должна сама решать проблемы, не зависеть от Гриши, потому что рано или поздно она останется одна с Аней. И никакого мужа рядом не будет. И ей надо быть к этому готовой.

Очень скоро она поняла, что ей не нужна Гришина поддержка – он все равно не помогал, а лишь обвинял Марину в случившемся. Так произошло, когда Аня съехала с горки и врезалась в мальчика. Губа у нее была рассечена, зуб выбит. Марина тогда позвонила мужу и попросила приехать, забрать их с площадки и отвезти в травмпункт. Гриша сказал, что будет через три часа. В поликлинику их вез папа мальчика, который перепугался больше Марины и Аняты. Слава богу, зашивать ничего не пришлось, зуб – молочный. Папа этого мальчика чуть ли не насильно засунул их в машину и повез в магазин, где купил Ане здоровенную куклу-младенца, о которой та давно мечтала. Аня тут же забыла про губу и зуб и вцепилась в коробку с куклой мертвой хваткой. Потом этот папа звонил, спрашивал, как заживает губа, всё ли в порядке. Он звал на день рождения сына, но Марина вежливо отказалась. Что тогда она думала? Что мужчина оказался порядочным человеком и повел себя так, как должен вести себя настоящий воспитанный отец семейства, хотя его маленький сын был не виноват в случившемся. Что она тогда подумала про Гришу? Что он находился на другом конце города на важных переговорах, которые не мог отменить. То есть папа мальчика должен с ними возиться, а Гриша – нет. И да, Марина научилась справляться сама. Ей было проще решить проблему, чем выслушивать от мужа, как она не права, не так поступила, что-то допустила и позволила. Гриша мастерски научился находить виноватого и вызывать у Марины острое чувство вины. Да, она не была идеальной матерью, но ни разу не обвинила мужа в том, что и он не идеал. Права Вика, тысячу раз права. Почему Марина еще тогда не

бросила мужа, который не примчался по первому зову, а спокойно сообщил, что будет через три часа? А когда приехал вечером, спустя не три часа, как обещал, а все шесть, с порога сообщил, что Марина сама виновата в произошедшем, плохо смотрела за Аней.

Марина тогда проплакала полночи. Да, виновата была она, и больше никто. Гриша не поинтересовался, как они доехали до травмпункта, и не заметил новую игрушку у дочери. Марина не стала рассказывать мужу про чужого папу, а Аня не стала хвастаться куклой и не рассказала, откуда она у нее появилась. Наверное, дочь тоже что-то почувствовала, хотя была совсем маленькой. Марина до сих пор помнила, как зовут того мужчину – Андрей. Но больше ни разу не видела его в парке. Наверное, они обходили стороной ту детскую площадку с большой горкой.

Марина смотрела на телефон, в котором не было ни одного звонка от мужа, и не понимала, с чего вдруг вспомнила об Андрее. Именно этим утром.

На улице кричали птицы. Аня сладко спала. Марина сварила себе кофе и вышла на балкон. Сторона оказалась правильной – утром балкон находился в тени, и Марина с удовольствием пила кофе. Над головой летали ласточки. Они же и орал что есть мочи. Но просыпаться под крик птиц, пусть даже и истощный, разве не замечательно? Ласточки залетали за угол балкона, туда, где находилась стационарная сушилка. Еще вчера Марина повесила на нее купальники и полотенца. Сейчас решила снять белье и заодно посмотреть, с чего вдруг случился птичий базар. Все вещи оказались грязными, в птичьей помете. Марина подняла голову и увидела ласточкино гнездо прямо над сушилкой.

– Аня, просыпайся, смотри, кто у нас живет! – закричала Марина. Сонная девочка вышла из комнаты и смотрела на птиц, которые облюбовали именно их балкон, хотя на других тоже были ласточкины гнезда, но пустующие.

– Я хотела это надеть, – расстроено сказала Аня, разглядывая свой любимый купальник, безнадежно испачканный.

– Ну постираю, после обеда наденешь.

Марина встряхнула полотенце в надежде избавиться от следов жизнедеятельности милых птичек. На ее лифчике ласточкина какашка уже застыла. Она все перестирала, разложила на стуле и ушла жарить омлет на завтрак. Аня с зубной щеткой вышла на балкон и закричала:

– Мам, у нас все улетело! Вниз!

Марина выскочила на балкон. Они жили на втором этаже, отель стоял на горе, и порывы ветра даже на этой небольшой высоте оказались сильными. Купальники долетели до участка, не принадлежавшего гостинице. Полотенце застряло на ветвях дерева.

– Анют, я пойду попробую пролезть на соседний участок. А ты брось чем-нибудь в полотенце, вдруг упадет?

Аня с радостью принялась исполнять поручение, выбирая, чем можно кинуть в полотенце, а Марина пошла вниз.

Во дворе между участками оказалась сетка, через которую невозможно было перелезть. Балконы других номеров их гостиницы, тех, что находились на первом этаже, выходили, можно сказать, на общий двор, так что Марина, по сути, шла по чужим балконам. Учитывая, что было раннее утро и жильцы еще спали, она чувствовала себя виноватой и шла на цыпочках, стараясь не шуметь. На последнем балконе она наткнулась на Вику. Та сидела в красивой пижаме, в темных очках и держала в руках чайную чашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/masha-traub/na-grani-razvoda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)